ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Кругликова Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: o.kruglikova@spbu.ru

Сонина Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: e.sonina@spbu.ru

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛЬНО-ВИЗУАЛЬНОГО БЫТОВАНИЯ МЕТАФОРЫ «ОКНО В ЕВРОПУ» В РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ XIX – НАЧАЛА XX в.[1]

В статье анализируется специфика визуального и текстового бытования метафоры «окно в Европу» в русской журналистике XIX – начала XX в. Сентенция Ф. Альгаротти, перефразированная Пушкиным, приобрела символическое значение в политическом дискурсе России XIX в. Метафора широко использовалась журналистикой в тексте и иллюстрации как инструмент полемики о целях, масштабах и последствиях Петровских реформ. На материале 24 вербальных и 16 визуальных репрезентаций метафоры, выявленных в периодике, письмах и мемуарах, утверждается, что интерпретации ее варьировались в зависимости от политической позиции изданий – от синонима благотворного развития и прогресса до символа разрушения русской самобытности и тоталитарных устремлений власти. Активное использование метафоры обусловлено влиянием литературного процесса на общественно-политический диалог XIX в., приводившим к символизации и поэтизации публицистического текста. На протяжении всего XIX в. метафора сохраняла полемическое образное звучание за счет разнообразных аналогий и сложных реминисценций, в то время как к началу XX в. утратила былую образность, обратившись в штамп.

Ключевые слова: *Петр I, окно в Европу, политическая полемика, сатирическая графика.*

Olga S. Kruglikova, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Journalism History, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: o.kruglikova@spbu.ru

Elena S. Sonina, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Journalism History, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: e.sonina@spbu.ru

THE SPECIFICS OF VISUAL AND TEXTUAL EXISTENCE OF THE "WINDOW TO EUROPE" METAPHOR IN RUSSIAN JOURNALISM OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The research analyzes the specifics of visual and textual existence of the "window to Europe" metaphor in Russian journalism of the 19th – early 20th centuries. The phrase, coined by F. Algarotti and rephrased by Pushkin, acquired symbolic meaning in the political discourse of the 19th century Russia. It was used widely in journalism as part of the discussion about Peter the Great's role in Russian history. Based on the history of ideas method, the article examines 24 verbal and 16 visual representations of the studied metaphor, identified in periodicals, letters and memoirs, and comes to the conclusion that the interpretation of the "window to Europe" metaphor varied depending on the political position of a periodical and the author's intention. The metaphor was widely used by journalism in texts and illustrations, it was repeatedly interpreted by satirical graphic artists and became a tool of polemic about the goals, scope and consequences of Peter the Great's reforms. The active use of this metaphor was caused by the fact that the Russian socio-political dialogue of the 19th century experienced a significant influence of the literary process, so even political journalism tended to symbolize and poeticize the texts. The "window to Europe" metaphor successfully retained its polemical figurative meaning in political discourse throughout the 19th century thanks to the numerous analogies and complex memories that were actively created by 19th century journalists. However, by the beginning of the 20th century the metaphor lost its former imagery, turning into a clich .

Key words: *Peter I, "window to Europe", political controversy, satirical graphics.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2020.5379

Постановка проблемы и ее актуальность

Личность и политическая деятельность первого императора дома Романовых носила неоднозначный характер и всегда воспринималась полемично, поскольку правление Петра было переломным периодом в истории России. Попытки осмыслить причины и последствия этого перелома были отправной точкой политических и философских дискуссий в России на протяжении нескольких веков. В результате историческая личность Петра I постепенно под-

вергалась мифологизации, распадалась на отдельные повторяющиеся метафоры, вербальные и визуальные клише. Изучение бытования отдельных элементов петровской легенды в культуре, анализ их рецепции в политическом дискурсе представляются принципиально важными для изучения образа Петра I в исторической памяти в целом и в русской журналистике в частности.

Основание новой имперской столицы, Петербурга, традиционно воспринималось как одно из важнейших деяний Петра Великого. Образ города связывался с личностью его основателя, символизировал успех всех ключевых устремлений его царствования, объединяя славу военных побед и обретение роли морской державы, новый имперский статус России, ее вовлеченность в западноевропейскую политику и культуру, создание регулярного государства, центром которого становился самый «регулярный», т. е. распланированный город мира. В восприятии публицистов XIX столетия Петербург «есть, по преимуществу, носитель исторической идеи всего периода времени после Петра»[2].

Одним из «самых навязчивых вербальных клише» (Неклюдова, Осповат, 1997: 255), сопровождающих вопрос об основании Петербурга, является метафора прорубленного Петром «окна в Европу». Это поэтическое образное выражение впервые прозвучало в беседе итальянского писателя Фр. Альгаротти и лорда Ч. К. Балтимора. Итальянский славист Э. Ло Гатто в книге «Миф Петербурга» посвятил целую главу метафоре, размышляя о разных «окнах» в русской культуре (1992: 22–32). Итальянский ученый не исследует источник проникновения метафоры в русский язык, хотя упоминает Альгаротти. Петербургский исследователь К. Г. Исупов считает, что метафора стала распространенной именно после написания Пушкиным «Медного всадника» (2015: 175). Ту же точку зрения поддерживает и саратовский ученый Д. С. Артамонов (2020: 83).

Исследователи, представившие наиболее полный список упоминаний «окна в Европу» в русской эпистолярии и литературе, М. С. Неклюдова и А. Л. Осповат, уверены, что «по традиции, идущей от Н. О. Лернера, вероятным источником первого примечания к “Медному Всаднику” считается сохранившаяся в библиотеке Пушкина (и полностью разрезанная) книга “Tableau General de la Russie Moderne...” [Общая панорама современной России...], написанная Виктором де Комерасом и вышедшая – под инициалами V. C.*** – в Париже в 1802 г.» (1997: 265). Они же выдвигают версии знакомства Пушкина с лондонским изданием путевых записок Аль-

гаротти 1769 г. Ставшая крылатой фраза могла попасться на глаза поэту также из переписки лорда Балтимора с Фридрихом II (Париж, 1818–1820); это многотомное издание было в пушкинской библиотеке. В любом случае начиная примерно со второй половины 1820-х гг. острота про окно в Европу становится известна Пушкину и его кругу. Друг Пушкина П. А. Вяземский писал: «Грустно старику видеть, как чрез прорубленное им окно влезли в дом его недобрые люди»[3]. Но строчки Вяземского не могут относиться к 1812 г., хотя он писал про проект спасения Медного всадника от армии Наполеона. Его «Старые записные книжки» начинаются с 1813 г., но «много позднее, оформляя этот рассказ для печати, Вяземский внес некоторые изменения, среди которых нашла себе место акцентированная отсылка к “Медному всаднику”» (Осповат, 2016: 16).

Таким образом, исследуемое словосочетание в речевой обиход элиты пришло из переводных книг, но в массовое сознание оно вошло все-таки, скорее всего, именно со страниц «Медного всадника», который впервые был опубликован (хотя и с изменениями, не полностью) В. А. Жуковским в 1837 г. (Измайлов, 1978: 230–233). В дальнейшем эта метафора многократно реплицировалась в русской журналистике, обретая разнообразное вербальное и визуальное воплощение, при этом ее трактовки широко варьировались в зависимости от политической позиции издания, его формата и принципов взаимодействия с читателем, журналистского профессионального контекста.

Исследование специфики ее бытования в русской журнальной публицистике и карикатуре XIX–начала XX в. открывает одну из важных граней образа Петра I в исторической памяти в целом и в журнальной публицистике в частности.

Методология исследования

Исследование бытования в национальной культуре устоявшихся штампов, мотивов и мыслеформ требует обращения к методам истории идей. Авторы данного исследования преимущественно апеллируют к подходу К. Скиннера (2006), предлагавшего более широкие возможности сочетания философско-лингвистического анализа и социально-исторических исследований. Указанный подход подразумевает, что в истории речь идет не столько о воспроизводстве постоянных идей, сколько о непрекращающихся обращениях к одной теме (Рощин, 2006: 151), характеризующихся различными интенциями авторов. Данная методология предпола-

гает интерпретацию текстов через конкретную историческую ситуацию и определенные дискурсивные задачи автора.

Основные проблемные поля бытования метафоры «окно в Европу»

Метафора, впоследствии определенная В. Г. Белинским как «счастливое выражение, в немногих словах удачно схватившее великую мысль»[4], широко распространилась в русском культурном обиходе. Время конца 1830 – начала 1840-х гг. было своеобразным инкубационным периодом для бурного расцвета русской политической и философской мысли. Характерно, что в этот период поляризация общественной дискуссии еще не началась, зарождающиеся политико-философские концепции пребывали в синкретизме, метко охарактеризованном П. В. Анненковым как эдемская гармония: «Все виды направлений жили еще как в первобытном раю, обок друг с другом, не находя причин к обособлению и не страшась взаимной близости и короткости»[5]. Однако уже весьма скоро дискуссия вокруг деятельности Петра I как отправной точки новой русской государственности начнет интенсивно развиваться, разрастаясь до масштабов обобщенного диалога об исторической судьбе России. Дискуссия о деятельности и роли Петра I шла в трех основных аспектах:

1. Была ли благотворна петровская европеизация: должен ли европейский путь развития трактоваться как единственно возможный универсальный путь движения человечества и какова при этом судьба самобытных национальных культур?

2. Насколько масштабным и глубоким в действительности было влияние петровской европеизации?

3. Какова была цель европеизации и насколько ожидавшиеся от нее преимущества могли оправдать те суровые средства, которые применялись государем?

Наблюдая развитие полемики между все далее расходящимися направлениями сторонников западного пути развития и борцов за национальную самобытность, Д. И. Писарев, сохранявший нейтральную позицию в этом диалоге, отмечал: «Метафорам с той и с другой стороны нет конца, потому что только метафорами можно до некоторой степени закрасить нелепость того или другого положения»[6]. Действительно, полярность и при этом предельная обобщенность складывающихся позиций западников и славянофилов просто требовали метафоричности выражения, тем более

естественной для русского журналистского текста первой половины XIX в., что он, хотя и постепенно дифференцировался от литературного нарратива, еще долго носил отпечаток литературности, а порой и поэтичности (Жирков, 2017). Пушкинская строка пришлась в споре между славянофилами и западниками как нельзя более кстати. При этом осмысление и использование метафорического определения Петербурга как «окна в Европу» шло в русле трех аспектов публицистической дискуссии о Петре I, названных выше. Поэтому нам представляется логичным рассмотреть преломления метафоры в рамках каждого из них в отдельности.

Россия и Европа – есть ли общий путь?

«Петр Великий мог построить Петербург, пожалуй, там, где теперь Шлиссельбург, или, по крайней мере, хоть немного выше, то есть дальше от моря, чем теперь; мог сделать новою столицею Ревель или Ригу: во всем этом играла большую роль случайность, разные обстоятельства; но сущность дела была не в том, а в необходимости новой столицы на берегу моря, которая дала бы нам средство легко и удобно сноситься с Европою»[7], – так обозначил Белинский историческую роль Петербурга для развития русской культуры.

Момент прорубания «окна в Европу», получения возможности «удобно сноситься с Европою» мыслился как хронологическая точка начала европеизации, процесса, расколовшего русское образованное общество на западников и славянофилов, тех, кто, как А. И. Герцен, были убеждены, что «в тенденции Европы сомнения нет – каждый знает и никто не спорит в том, что она развивает гражданственность и устремляет к дальнейшей цивилизации (в обширном смысле) человечество, доставшееся ей от Рима и Греции»[8], и тех, кто не готов был воспринимать Европу в качестве единственной попечительницы о благе доверенного ей историей человечества.

Эти последние весьма иронично относились к своему прозвищу – «славянофилы», полагая, что навязанное им оппонентами имя никак не отражает их истинных взглядов. Поясняя суть их воззрений, сын одного из основоположников славянофильства Д. А. Хомяков также использует ставшую к этому времени расхожей метафору «окна в Европу». Он описывает «зародившееся в Москве направление» как движение, поставившее себе «задачи бесконечно более широкие: возрождения русского народа по всем направлениям жизни народной чрез уяснения руководящим классам особенностей

истинно народного понимания, забытых или искаженных со времени прорубки знаменитого “окна в Европу” Петром»[9].

Имея в виду критическое отношение славянофилов к европеизации петровского типа, их идейные оппоненты часто использовали образ окна как инструмент высмеивания их взглядов. В 1861 г. карикатурист Н. А. Степанов изобразил славянофила И. С. Аксакова заставляющим широкий подоконник массивного окна фигурками в русских национальных костюмах, которые издатель «Дня» предварительно окропляет квасом[10] (рис. 1). Видимо, цель такого «украшения» подоконника состоит в том, чтобы поставить какую-то, хотя и смехотворную преграду западноевропейским культурным веяниям, оградить тлетворное окно своеобразным кордоном произведений национальной самобытной культуры. Символично, что на том же рисунке вместе с Аксаковым изображен и тогдашний западник М. Н. Катков, редактор и издатель англоманского «Русского вестника», который стоит рядом и сжимает в руках молнии выговоров и замечаний.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОЛИМПІЙЦЫ.

Рис. Н. А. Степанова.

День... Въ нашемъ обществѣ: партіи, школы, доктрины, направленія; книги шумъ и блескъ; книги борзыя неразумнобородатыхъ, которые одѣваются въ допотопный народный духъ, олицетворяютъ его цинизмъ и двухъ его писемъ.

Русскій Вѣстникъ... А я говорю у насъ нѣтъ общества, но есть чужое, фальшивое подобіе общества, съ спертымъ воздухомъ, съ отсутствіемъ жизни, съ гнилью, съ фосфорическою блестящей, съ потомъ слезъ, съ мыльными пузырями...

(И. С. Аксаковъ и М. Н. Катковъ).

Рисунок 1.
Искра. 1861. № 46. 1 дек. С. 669.

Соглашаясь с Писаревым, который подметил общую метафоричность всех журнальных споров между славянофилами и западниками, продемонстрируем, что обе стороны охотно прибегали к патетическим образным высказываниям, обобщающим их сложные и зачастую неоднозначные позиции по некоторым общественно-политическим вопросам. Иногда метафора, употребленная одной стороной, вовлекала их оппонентов в ответную сложную игру образами. К числу таких моментов относится сюжет, связанный с поэтическим призывом И. С. Аксакова, прозвучавшим в особом прибавлении к газете «Русь» в марте 1881 г.

Потрясенный только что свершившимся цареубийством, публицист ставил вопрос о ложно понятых ценностях Запада, приведших противостояние либеральной оппозиции с властью к трагическим событиям 1 марта. «Да, в Москву, в Москву призывает теперь своего царя вся Россия... Пора домой! Пора покончить с петербургским периодом русской истории, со всеми кровавыми

преданиями переворотов, измен, крамол XVIII и XIX века!»[11] – писал Аксаков. Отмечая, что Петр Великий «едва ли когда и помышлял о Петербурге иначе, как о временной резиденции», Аксаков говорит о Москве как о «колыбели государства», где «почувствует себя русский царь вполне у себя; здесь окружит его народ твердым, несокрушимым, как он сам, оплотом, таким оплотом, которого не заменит никакая полиция в свете – круговою порукою всей земли!»[12].

Однако призыв «домой!» был многими трактован не только как забота о безопасности государя, но и как символ стремления к культурной и политической изоляции, которое всегда приписывалось славянофилам их оппонентами, и даже как реваншистское требование пересмотра всех либеральных преобразований Александра II. Требование, которое напугало и раздражило оппонентов Аксакова тем сильнее, что угроза его претворения в жизнь после событий 1 марта становилась вполне реалистичной. Поэтому оппоненты Аксакова особенно остро стремились высмеять его метафорический призыв «домой!», используя при этом как инструмент другую, уже более широко растиражированную метафору «окна в Европу».

В. И. Порфирьев изобразил Аксакова в образе пожилой женщины, вяжущей бесконечный чулок с надписью «Газета “Китай”», аллегорически представляющей аксаковскую газету «Русь» (рис. 2). В качестве антуража – непременный квас, женщина в клетке и собор в окне. А вот дверь в Европу плотно заколочена, так что реминисценция к Альгаротти прочитывается вполне отчетливо[13], как и характерное для всей полемики со славянофилами обвинение их в приверженности элементам «допетровской дикости» – домостроевскому угнетению женщины и церковному мистицизму. Еще одной сатирической реминисценцией окна становится зеркало, в котором отражается издатель «Руси» в китайском халате с русскими кистями. Для непонятливых картина дополняется перечеркнутой картой Европы[14].

Рисунок 2.
Осколки. 1883. 22 января. № 4.

Мотив возвращения домой встречается в целом ряде карикатур на Ивана Аксакова, относящихся к первым годам правления Алек-

сандра III. В сатирических изображениях меняется лишь рисунок, а подписи часто идентичны: «Домой! К маме! К маме»; «Не пора ли нам, ребятушки, домой?»; «Домой! Домой!» и т. д.[15] Особого внимания заслуживает рисунок в фельетонном словаре В. О. Михневича, на котором Аксаков изображен непропорционально малого роста – как младенец, который тянет за подол статную Россию (рис. 3). Россия смотрит в сторону пограничного столба «в Европу», в небесах парит силуэт Медного всадника. Аллюзия на европейский путь (и «окно в Европу») безусловна; хорошо визуально выражена и позиция славянофильского публициста – уйти с европейского пути[16].

Рисунок 3.
Михневич В. О. Наши знакомые. Фельетонный словарь. СПб, 1884.

Не всегда сатириками образ «окна в Европу» обыгрывался в полемических тонах, нейтральных визуальных репрезентаций также встречается немало; особенно часто они появлялись в юбилейные для Петербурга годы. Так, в год двухсотлетия петровской столицы журнал «Будильник» опубликовал карикатуру, в которой, отвечая на беспокойство Москвы, представленной в образе пышной купчихи, Петербург – сухопарый чиновник средних лет – объясняет, почему в нем нет московского дородства: «Это от того, маменька, что сижу я всегда у “прорубленного окна в Европу”, – разными культурами на меня дует, а с ними много беспокойства»[17] (рис. 4). За спиной петербуржца, кстати, действительно распахнуто окно, в котором видны Нева и корабли.

Рисунок 4.
Будильник. 1903. № 18. 18 мая. С. 1.

Похожие персонажи действуют в другой карикатуре 1903 г., на которой Петербург в чиновном фраке, приставив лестницу с надписью «культурная жизнь» и держа под мышкой оконную

раму, взбирается на кремлевские стены. Из-за кремлевских зубцов смотрит на это 800-летняя Москва в кокошнике и приговаривает: «Посмотрю-ка на сынка, как справил он 200-летний день своего рождения... Ишь, с “окном в Европу” шибко зашагал вверх! Чего доброго, скоро и через меня, старушку, перешагнет»[18] (рис. 5). Однотипно в журнале «Будильник» транслируются роли двух столиц – мать и сын, социальные статусы – прожившая долгую жизнь купчиха и средних лет чиновник; обязательно используются вербальные и визуальные отсылки к строкам Альгаротти.

Рисунок 5.
Будильник. 1903. № 19. 25 мая. С. 1.

Впрочем, и среди юбилейных публикаций, нейтральных по большей части, иногда встречаются примеры остро звучащей сатиры. Например, журнал «Шут» публикует карикатуру, на которой в массивном, со ставнями «окне в Европу» видна грузная спина подгулявшего купчика, придавившего своей массой пронырливых журналистов, которые, пытаясь выбраться, разглядывают в окне петербургские проблемы: канализация, школы, больницы, мостовые, гигиена, пути сообщения – то, с чем город пришел к 200-летнему юбилею. Проблемы не решены, город бедствует, купечество жирует, а обществу можно только поглядывать из окна на то, как эти проблемы решаются в Европе[19] (рис. 6).

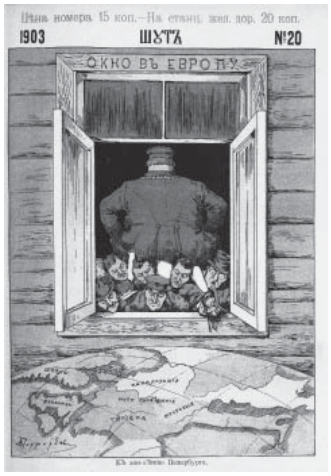

Рисунок 6.
Шут. 1903. № 20. 17 мая. С. 1.

По этому же принципу построена антисоветская карикатура 1918 г. Из перекошенного окна выпирают слишком крупные обнаженные ягодицы; ставни вот-вот сорвутся с петель. Со стороны улицы стоит Петр Великий, пропорционально меньше заткнувше-

Рисунок 7.
Новый сатирикон. 1918. № 6. Март. С. 1.

го окно человека раз в пять. Император качает головой: «Ба, теперь вижу, что окно в Европу забито плотно!»[20] (рис. 7). Таким образом «Новый сатирикон» в одном из последних номеров визуализировал свою печаль по поводу растоптанной большевиками многовековой культурной традиции. Эпоха грядущего хама началась.

Закрыть окно можно одним способом, а показать этот способ в карикатуре – разными. 200-летний юбилей Полтавской победы дал повод карикатуристу «Огонька» показать лицо «Союза русского народа». Петр Великий, увенчанный лавровым венком (фигура скопирована с Медного всадника), с упреком обращается к черносотенцам с дубинками в руках:

– Ну-с... Я прорубил окно в Европу... А вы что делаете?

– А мы его заколачиваем![21] (рис. 8)

Рисунок 8.
Огонек. 1909. № 26. 27 июня. С. 1.

Следует отметить, что изображение Петра I крайне редко появляется в сатирической графике – даже так, как на карикатуре «Огонька», т. е. с позитивной для императора коннотацией.

Петербург как символ культурного общения с Западом, как возможность, если точно следовать изначальной мысли Альгаротти, «России смотреть из этого окна на Европу», русской журналистикой порой транслировался и в обратной перспективе – как взгляд с той стороны окна, из Европы в Россию. И. С. Аксаков писал, что всей Европе «Россия известна только своей европейски принаряженной стороной, только в европейском костюме, надетом на нее Петром I; костюм или мундир был щеголеват, пояс перетягивал ее стан в рюмочку, и она в глазах европейцев представлялась статным и красивым молодцом; но мы все хорошо понимали и чувствовали, что этот мундир был тесен и узок, члены

отекали кровью, движения были несвободны и вялы... Европа знает Россию только со стороны государственной и воображает, что она создана Петром, существует единственно как мысль и дело Петра. Петербург называют окошком, прорубленным из России в Европу; действительно, только в это окошко и сквозь это окошко и глядит Европа на Россию, а потому и судит о России только по Петербургу. Она убеждена, что могучая Империя, которой она так долго и неутомимо боялась, жила только благодаря своему могучему бюрократическому механизму и своим внешним материальным средствам»[22].

Вероятно, к концу XIX в. исследуемая нами метафора была в какой-то мере известна и по ту сторону окна – например, в американском сатирическом журнале *Puck* в 1885 г. была помещена карикатура, где русский бродяга, «не имея своих окон», бросает камни в окна британца[23].

Продолжая взгляд «не из России в окно, а из окна в Россию», Аксаков дает удивительный ракурс образу Петербурга. Если весь Петербург – это не более как окно в Европу, то, стало быть, помещением, комнатой, в стене которой это окно прорублено, была, по мысли Альгаротти и перефразировавшего его Пушкина, сама Россия. Но Аксаков описывает именно Петербург как помещение, в котором есть это самое европейское окно, но есть и стены, ограждающие его, причем ограждающие в большей степени не от Европы, а именно от России. Петербург для него – фортеция, откуда можно смотреть на Европу, оградившись от России: «Уразумеют ли, одним словом, что и кроме Петербурга есть Россия и что Россия даже вовсе не в Петербурге, что пора наконец выйти из этой ограды, некогда, может быть, на время и нужной, некогда нарочно сооруженной ради оплота для правительственной созидательной работы от национальной односторонности и исключительности, но уже давно обратившейся в какую-то фортецию коснеющего отрицания русской самобытности и даже жизни – в цитадель воинствующего против русской народности европеизма!»[24].

Взгляд с той стороны окна интересует, безусловно, и Достоевского. По его мнению, с той стороны на русских глядят презрительно: «В наших искусствах, в промышленности Европа нас готова хвалить, по головке гладить, но своими нас не признает, презирает нас втайне и явно, считает низшими себя как людей, как породу, а иногда так мерзим мы им, мерзим вовсе, особенно

когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями. Но от окна в Европу отвернуться трудно, тут фатум»[25].

Еще один обратный ракурс метафоры «окно в Европу» вполне очевиден: часто обыгрывался мотив возможности прервать начавшееся через окно культурное общение, заколотив, закрыв или загородив его решеткой.

Так, еще в 1829 г., т. е. до зарождения славянофильских и западнических кружков, в дневнике М. П. Погодина встречается иронический комментарий в адрес одного из старших славянофилов, С. Т. Аксакова: «Петр прорубил окошко, а Аксаков его заколотит»[26]. Размышляя о многих негативных последствиях того, что «неотразимою волною / К нам свежий воздуха приток / Ворвался — и принес с собою / Цивилизации итог», поэт и общественный деятель А. Н. Яхонтов иронично предлагал: «До нового потопу / Не лучше ль силы поберечь? /Не завалиться ли на печь, / Заколотив окно в Европу?»[27].

Если славянофилам традиционно приписывалось стремление заколотить окно, то миссия западников трактовалась как прорыв к европейскому окну, а порою и сквозь него, назло всем препонам. Например, известный журналист Серебряного века А. В. Амфитеатров в очерке «Памяти А. И. Герцена» говорил про создателя русской эмигрантской печати так: «Значение Герцена в этом отношении для русского человека настолько огромно, что имя его как выразителя русской культуры приходится поставить непосредственно следом за Пушкиным и Петром Великим. Если последний прорубил окно в Европу, то Герцену суждено было выломать из окна этого решетку, прибитую к нему преемниками Петра Великого. Выломал – и сам ушел, и русское общество увел вон из мрачной николаевской тюрьмы»[28].

Окна, двери, стены и бескрайний простор

Критика петровской европеизации велась преимущественно с точки зрения того, что ее единственным плодом оказалось довольно поверхностное усвоение иностранных бытовых обычаев весьма узкой прослойкой русского общества. Такой взгляд был типичен для консерваторов, начиная с Н. М. Карамзина, однако и среди их оппонентов были те, кому результат европеизации представлялся малозначимым. Писарев высказывал убеждение, что «жизнь тех семидесяти миллионов, которые называются общим именем рус-

ского народа, вовсе не изменилась бы в своих отправлениях, если бы, например, Шакловитому удалось убить молодого Петра. Конечно, очень может быть, что у нас не было бы столицы на берегах Невы и, следовательно, не было бы ни кунсткамеры с раритетами, ни академии наук... Все это очень возможно, но скажите по совести, положа руку на сердце, какое дело русскому народу до всех этих общеполезных учреждений?»[29].

Иронизируя по поводу журнальной битвы славянофилов и западников, Писарев отмечает: «Деятельность Петра вовсе не так плодотворна историческими последствиями, как это кажется его восторженным поклонникам и ожесточенным врагам», среди которых «одни видят в нем исказителя народной жизни, другие — какого-то Самсона, разрушившего стену, отделявшую Россию от Европы»[30]. Поскольку задачей публициста «Русского слова» в данном случае было высмеять обе позиции, которые он считает преувеличенными, Писарев дает юмористическую реминисценцию знаменитого «окна в Европу»: умышленно гротескный Петр в данном случае не прорубает окно в стене, а прямо рушит всю стену между патриархальной Московией и Западом.

Образная игра с архитектурными элементами будет характерной чертой данного аспекта осмысления роли Петербурга: в зависимости от оценки реального масштаба осуществившейся с его основанием европеизации в текстах публицистов будут появляться окна, балконы, стены, двери или ворота, символизирующие характер отношений России с западноевропейской цивилизацией. В 1830 г. критиком и поэтом С. П. Шевыревым основание Петербурга оценивалось восторженно: «Теперь в России к Западу сто врат настежь растворено — и просвещение Европейское разных столетий, разных племен так и хлещет в нем морем Атлантическим <...> Петр Первый прорубил первые врата, широкие, огромные» (цит. по: Неклюдова, Осповат, 1997: 264). Это утверждение весьма симптоматично для того оптимистического представления о будущем культурном развитии России в семье европейских народов, которое было свойственно части русского образованного общества рубежа 1820–1830-х гг.

Далеко не столь позитивно оценивают плоды европейского просвещения публицисты почвеннических изданий второй половины XIX в. В программной статье журнала «Время» говорилось: «Все последовавшие за Петром узнали Европу, примкнули к европейской жизни и не сделались европейцами. Когда-то мы сами

укоряли себя за неспособность к европеизму. Теперь мы думаем иначе. Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами... Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная»[31]. Почвенники манифестируют необходимость создания сложного культурного синтеза через «слитие образованности и ее представителей с началом народным и приобщение всего великого русского народа ко всем элементам нашей текущей жизни»[32]. Этот новый, в полной мере самобытный феномен объединял бы национальную культурную традицию, сохранившуюся на народной почве, и европейскую образованность высших классов. При этом соприкосновенность последних истинно европейским началам оценивается почвенниками порой довольно критически: «Петровская реформа, хотя прорубила окно в Европу, хотя в это окно повеяло на нас цивилизаций, но слишком поверхностно, и реформа оставила народ разъединенным, разрозненным»[33].

Метафора окна в Европу появляется в изданиях почвенников часто, в разных жанрах и разных темах, причем важно отметить, что именно здесь окно неизменно обыгрывается именно как окно в самом прямом смысле, без гротеска и сложных архитектурных реминисценций, оно сохраняет все традиционные оттенки смысла. Окно – не более чем застекленная рама в стене, в него можно только глядеть и наблюдать то, что протекает независимо от твоего наблюдения, не соприкасаясь с происходящим, оставаясь ему внутренне чуждым. Именно это и важно было образно преподнести своему читателю последователям и единомышленникам Ф. М. Достоевского.

Публицисты почвеннических изданий характеризовали проникновение европейских веяний через прорубленное окно всегда пренебрежительно. В рецензии на опубликованные труды Н. М. Карамзина журнал «Время» писал: «С того времени как Петр прорубил для нас окно в Европу и заставил глядеть нас туда, хотя и указывал нам там вовсе не то, что действительно должно было бы привлекать на себя наше внимание, мы вступили в какую ни есть, но все-таки связь с жизнью западноевропейской»[34].

Петербуржец (разумеется, не конкретный, а обобщенный персонаж, традиционно в почвеннической публицистике символизирующий лишенную опоры на национальную традицию псевдоевропейскую интеллигенцию) представляется критиком Д. В. Аверкиевым как «одинокий, заброшенный на болотистое невское побережье»,

«завязнувший в своей зыбкой почве». Естественно, зыбкость почвы здесь является тонким каламбуром, одновременно играющим и с идеей культурной почвы как национальной традиции, и с действительно заболоченной почвой то и дело затопляемого города. «Наука не укрепляла, но разрушала его духовный организм, – продолжает Аверкиев, – наука требовала лишь смотреть в европейское окно, любоваться на западные идеалы»[35]. Снимая ответственность за культурную амнезию исключительно с Петра Великого, публицист подчеркивает общую ответственность за нее целого пласта русского общества, с такой готовностью отказавшегося от духовной самобытности национальной культуры: «У нас тоже своя жизнь была, своя история, – от которой отказался давно петербуржец. Он только прорубил окно и у окошка сидит, смотрит во все глаза и на чужое зарится»[36].

В дальнейшем, уже после прекращения «Времени» и «Эпохи», накануне Русско-турецкой войны, Достоевский на страницах «Дневника писателя» подчеркивал: «Роль прорубленного окна в Европу кончилась, и наступает что-то другое, должно наступить по крайней мере, и это теперь всяк сознает, кто хоть сколько-нибудь в состоянии мыслить». Для Достоевского важно, что формирование нового, полноценного, неподражательного самосознания русской нации, совершающееся на его глазах, очевидно, будет проходить проверку на состоятельность не через демонстрацию себя в пресловутом Европейском окне, а через новую форму взаимодействия с Европой, и, вероятно, конфликтную. «Одним словом, мы все более и более начинаем чувствовать, что должны быть к чему-то готовы, к какой-то новой и уже гораздо более оригинальной встрече с Европой, чем было это доселе, – в Восточном ли вопросе это будет или в чем другом, кто это знает!..»[37]

Во многом разделяя мысль Достоевского о поверхностном характере русской европеизации, скорее «подсмотренной в окно», чем полноценно пережитой русским образованным классом, череду архитектурных реминисценций продолжит В. В. Розанов, подмечавший, что со временем русским захотелось не только наблюдать в окно за чужой жизнью, но и продемонстрировать как можно показательнее собственную. В начале XX в. он показывал Петербург как «не столько окно в Европу, сколько размалеванный балкон, на который русские барчуки и барыньки “выпяливаются” перед Европой, – после сна, мордобитья, карт и водки “у себя дома”, во внутренних апартаментах»[38].

В сатирическом преломлении звучит мотив псевдоевропеизма Петербурга и у М. Е. Салтыкова-Щедрина: «А в сущности, что такое Петербург? — тот же сын Москвы, с тою только особенностью, что имеет форму окна в Европу, вырезанного цензурными ножницами. Особенность, может быть, и пользительная, да живется при ней как-то уж очень невесело»[39].

Между тем для полноценного взаимодействия с Европой и решения стратегических задач развития промышленности и национальной экономики создателю Петербурга требовалась скорее дверь, а не окно. Но Петербург на страницах русской журналистики чаще всего фигурирует все-таки как символ абстрактно осмысляемой культурной интеграции с Европой, а не практики политико-экономических взаимодействий с нею, лишь изредка встречается упоминание его в этом аспекте. Так, например, Н. И. Путилов, металлург и крупный заводчик, «мнил, что если Петр Великий “прорубил окно в Европу”, то он портом своим прорубит дверь, дав свободный доступ иностранным кораблям в самый Петербург, и тем самым достигнет огромных сбережений русским отправителям»[40].

Петровская палка

Русские публицисты неизменно ставили очевидный вопрос о цене петровских преобразований. Стоило ли прорубать окно в Европу тем волевым и деспотическим образом, который во многом привел к искажению первоначального намерения? В первой трети XX в. писатель М. М. Пришвин, не отрицая важности просветительских целей петровской реформы, на первый план выносит все-таки осуждающую коннотацию: «Великий истязатель увлек с собою в это окно Европы мысли лучших русских людей, но тело их, тело всего народа погрузилось не в горшие ли дебри и топи болотные?»[41].

Наиболее явно ощущаемым негативным эффектом европеизации было то, что Россия неизбежно столкнулась как с лучшими чертами и лучшими представителями европейской культуры, так и с многочисленными маргиналами Европы, причем в первую очередь в опасную варварскую страну хлынули именно последние. Лучшие люди Европы наведывались в Россию нечасто. Писатель и литературный критик М. В. Родевич так отзывался о наплыве иностранцев в Россию, называя окно «чухонским окошком»: «На про-

лезших к нему чрез это окошко людей Европы, непонятных и чуждых ему», русский народ «смотрел точно так же, как дитя смотрит на незнакомых и незваных гостей, приехавших в дом его родителей»[42].

Сквозь призму иноземных вмешательств в национальную экономику трактовал эту метафору и купец Момонов, герой романа А. Н. Толстого «Петр Первый»: «Иноземцы давно из нашей земли окно прорубили. А мы – в яме сидим»[43]. Не остались в долгу и карикатуристы, изобразив, как через оконный проем широко шагают шкиперы-иностранцы и вьются дамы легкого поведения: «Через окно в Европу лазили первые европейские гости Петербурга – голландцы, но в воздухе уже и тогда витали призраки других европейских гостей, которые ныне заменили голландцев: французские этуали»[44].

Самым, пожалуй, последовательно и развернуто выраженным взглядом на позитивные и негативные стороны контактов с Европой является уже упоминавшееся стихотворение А. Н. Яхонтова. Как правило, широко цитируемым фрагментом этого произведения становится заключительное четверостишие, оканчивающееся строками: «Не завалиться ли на печь, / Заколотив окно в Европу?». Однако важно рассмотреть, какие именно элементы негативного влияния контактов с Европой заставляют автора дать такой саркастический совет.

Помимо общих для всех указаний, что европеизация была поверхностной и неполной, Яхонтов обращается и к важнейшему сюжету, который он, педагог, популяризатор, работник земства, т. е. представитель патриотически настроенной и деятельной интеллигенции, воспринимал болезненно: «Как после страшного разгрома, / Не вдруг очнулись мы... Затем, / Благословясь, засесть бы дома / И дело делать бы? Зачем? / Нет! Мы бросаем наши нивы, / Сбираем скромный наш доход, / И быстро мчат локомотивы / Нас в Запада круговорот. / В кредит добыв себе заране / Кредитных радужных надежд, / С дешевым паспортом в кармане, / Мы грезим, не смыкая вежд; / На все глядим мы сплошь и рядом, / Мотая русские рубли; / В Берлине запасясь нарядом, / В Париже — современным взглядом, / Мы рады плыть на край земли»[45].

Стихотворение написано в 1863 г., вскоре после крестьянской реформы. В воспоминаниях одного из бытописателей России второй половины XIX в. этот трагический момент русской общест-

венной жизни начала 1860-х гг. описывается довольно красочно: «“За границу” кинулись к 60-м годам все, кто только мог. Рухнули николаевские порядки, когда паспорт стоил пятьсот рублей, да и с таким неслыханным побором вас могли — и очень! — не пустить. Теперь это сделалось банально»[46]. Но главное – русское дворянство получило в руки средства, собранные государством с помощью экономии и внешних займов и составлявшие почти три годовых бюджета Российской империи. Средства, которые в виде сложносоставного облигационного портфеля с бумагами государственных обязательств разного срока погашения были выданы помещикам в качестве необходимого оборотного капитала, компенсирующего переход помещичьих хозяйств от крепостной системы к вольнонаемному труду (Корнилов, 1905: 192). Таким образом «дворянство получило последний шанс сохранить за собой роль не только политической, но и экономической элиты страны» (Экштут, 2012: 78). Но часть русских дворян не воспользовалась этим шансом, ибо, вместо того чтобы, как предполагали авторы реформы, последовательно инвестировать полученные средства в развитие своих поместий, бросилась проматывать их на европейских курортах: «Выкупные свидетельства после 1861 года зудели в руках дворян-помещиков. Где же легче, быстрее и приятнее можно было их спустить, как не за границей»[47]. Безусловно, среди дворян были и те, кто повседневно трудился, облагораживая имения, как делали это Л. Н. Толстой, А. А. Фет, Д. Ф. Самарин и др. Но они были в меньшинстве, поэтому помещик, проедающий свои выкупные свидетельства за границей, становился одним из типовых героев русской литературы 1870–1880-х гг.[48]

Поэтому строки стихотворения Яхонтова, с грустью задумывающегося, что окно в Европу, пожалуй, стоило бы и заколотить, являются, в сущности, не призывом отгородиться от Европы, а горьким обличением русского образованного общества.

Таким образом, вопрос ставился не только в плоскости того, насколько прав был Петр, деспотическим волевым толчком водворяя русских на Балтийском побережье у метафорического окна, но и о том, какой ход европеизации дали сами русские люди, как воспользовались столь дорогой ценой доставшейся возможностью взаимодействия с Европой? «Того ли хотели те, кто прорубал окно?» – восклицает на страницах «Дневника писателя» Ф. М. Достоевский[49].

Выводы

Журналистский диалог XIX в. дал многочисленные оригинальные преломления метафорического высказывания Альгаротти, введенного в литературный оборот Пушкиным. Однако при всем разнообразии дискурсивных практик и специфических авторских интенций все эти примеры в целом могут быть систематизированы и проанализированы в рамках тех же аспектов общественно-политического дискурса, которые были свойственны более широкой теме – обсуждению характера и последствий всего комплекса реформ Петра I и исторической роли петровской эпохи в развитии России. Активное использование этой метафоры можно считать также проявлением характерной для общественно-политического диалога XIX в., испытывавшего большое влияние литературного процесса, склонности к символизации и поэтизации публицистического текста.

Однако важно отметить, что при «частом употреблении метафора неизбежно превращается в штамп, стандарт» (Гребенникова, 2012: 144), и наиболее характерен этот процесс именно для журналистской речи, когда «недавняя свежая метафора становится надоедливым шаблоном, утратившим свою былую образность» (Там же: 145). Единственный способ сохранить остроту и яркость звучания метафоры – постоянно продуцировать «метафорические аналоги» (Там же: 144). Неистощимость творческой фантазии публицистов XIX в., как мы видим, позволила метафоре «окно в Европу» почти век сохранять полемическое образное звучание в политическом дискурсе за счет разнообразных аналогий и сложных реминисценций.

В последующие исторические периоды метафора «окна в Европу» будет использоваться, не приобретая принципиально новых оттенков смысла, не порождая аналогов, а продолжая в большей степени разрабатывать главную из заявленных тем – окно открытое или заколоченное как символ либо культурного контакта с Европой, либо блокирования этих контактов. В сущности, остальные аспекты в полном кровавых военных противостояний XX веке, когда советская и постсоветская Россия то билась с Европой, как с кровожадным врагом, то торопливо бросалась в объятия западного мира, содержательно отступили на второй план. От однообразного употребления открытия/закрытия окна метафора постепенно опошлилась и затерлась, хотя несколько ярких примеров все-таки стоят более подробного рассмотрения.

Карикатуристы «Крокодила» в 1920-х гг. с помощью образа окна демонстрировали превосходство советского образа жизни по сравнению с западным, загнивающим. На одной из карикатур евро-

пеец, отдвигая занавеску, с завистью глядит сквозь стекло на индустриальный расцвет России[50] (рис. 9). На другой карикатуре изображено, как в окно заглядывают истекающий бессильной злобой буржуй и рабочий с транспарантом «Помоги горняку»[51] (рис. 10).

Рисунок 9.
Крокодил. 1922. № 8 (20). 15 окт. С. 8.

Рисунок 10.
Красная нива. 1926. № 27. С. 18.

Интересное осмысление образу окна придаст советский фольклор 1939 г., создав частушку «Спасибо Яше Риббентропу, что он открыл окно в Европу». У. Ф. фон Риббентроп, министр иностранных дел Германии, заместил Петра Великого в статусе открывателя окна, поскольку подписание знаменитого молотовского пакта в очередной раз, хоть и своеобразно, раздвинуло границы культурного взаимодействия с Европой. После периода идейного противостояния, когда вся буржуазная культура Запада подавалась в негативном ключе или игнорировалась, во время укрепления дружеских связей с новым союзником начались переводы на русский язык немецкой литературы, в театрах ставились оперы знаменитых немецких композиторов[52]. Разумеется, во время войны, когда тактический союз с Германией был далеко в прошлом, а нужды пропаганды потребовали извлечь из забвения военную славу великих предков (не следует забывать, что прорубание окна Петром было не столько мирным строительством, сколько результатом военной экспансии к берегам Балтики), И. Г. Эренбург вернул Петру Великому приоритет открытия: «Окно, раскрытое Петром, было не только окном в Европу, оно было и окном в жизнь»[53]. Примерно в это же время (1943 г.) образ окна в Европу всплывет в

анонимной эпиграмме на И. В. Сталина, в которой от лица вождя говорилось: «Что Петр сварганил начерно, / Я починил и переправил: / В Европу прорубил окно, / А я в него решетку вставил»[54]. В эпоху застоя заколоченное окно в Европу будет мелькать и в бардовской песне, и в творениях рокеров диссидентского андеграунда, но уже не будет иметь прежнего полемического звучания и символического потенциала, поскольку постепенно будет превращаться в «навязчивое языковое клише», которым является и ныне.

Список иллюстраций

Рис. 1	Степанов Н. А. Журнальные олимпийцы // Искра. 1861. №. 46. Дек., 1. С. 669.
Рис. 2	Порфирьев В. И. Что ты, бабушка // Осколки. 1883. № 4. Янв., 22. С. 1.
Рис. 3	Б/п. Мама! Домой! Домой! // Михневич В. О. Наши знакомые: Фельетонный словарь. СПб., 1884.
Рис. 4	Б/п. К 200-летию Петербурга (родственный разговор) // Будильник. 1903. № 18. Май, 18. С. 1.
Рис. 5	Б/п. Старое старится, молодое растет // Будильник. 1903. № 19. Май, 25. С. 1.
Рис. 6	Порфирьев В. И. К 200-летию Петербурга // Шут. 1903. № 20. Май, 17. С. 1.
Рис. 7	Радаков А. Окно в Европу – теперь // Новый сатирикон. 1918. № 6. Март. С. 1.
Рис. 8	Пьер-О. К Полтавским торжествам // Огонек. 1909. № 26. Июнь, 27. С. 1.
Рис. 9	Черемных М. Окно из Европы // Крокодил. 1922. № 8 (20). Окт., 15. С. 8.
Рис. 10	Дени В. Окно в Европу // Красная нива. 1926. № 27. С. 18.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-42018.

[2] *Аксаков И. С.* Наше знамя – русская народность / составление и комментарии *С. Лебедева* / отв. ред. *О. Платонов*. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 135.

[3] *Вяземский П. А.* Из старой записной книжки // Русский архив. 1873. Кн. I. Стб. 1027.

[4] *Белинский В. Г.* Собр. соч. в 9 т. М., 1981. Т. VII. С. 146.

[5] *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М.: Гослитиздат, 1960. С. 139.

[6] *Писарев Д. И.* Бедная русская мысль // Исторические очерки. В 2 ч. Ч. 1. М.: Юрайт, 2018. С. 21.

[7] *Белинский В. Г.* Взгляд на русскую литературу 1846 г. // Современник. 1847. Т. I. № 1. Отд. III. С. 5.

[8] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 т. Т. 1. М.: АН СССР. ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, 1954. С. 31.

[9] *Хомяков Д. А.* Православие. Самодержавие. Народность / сост., вступ. ст., примечания, именной словарь *А. Д. Каплина;* отв. ред. *О. А. Платонов*. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 240.

[10] *Степанов Н. А.* Журнальные олимпийцы // Искра. 1861. №. 46. Дек., 1. С. 669.

[11] Русь. 1881. Особое прибавление к № 17. Март, 10. С. 1–2.

[12] Там же.

[13] *Порфирьев В. И.* Что ты, бабушка // Осколки. 1883. Янв., 22. № 4. С. 1.

[14] *Пастернак Л. О.* Зеркало // Пчелка. 1884. № 24. С. 1.

[15] *Порфирьев В. И.* Провал старого года в Лету // Осколки. 1882. № 1. С. 8; *Чемоданов М. М.* Русские песни // Зритель. 1883. № 4. С. 5; *Чемоданов М. М.* Домой! Домой! // Гусли. 1881. Дек., 27. С. 8.

[16] Б/п. Мама! Домой! Домой! // *Михневич В. О.* Наши знакомые: Фельетонный словарь. СПб., 1884.

[17] Б/п. К 200-летию Петербурга (родственный разговор) // Будильник. 1903. № 18. 18 мая. С. 1.

[18] Б/п. Старое старится, молодое растет // Будильник. 1903. № 19. Май, 25. С. 1.

[19] *Порфирьев В. И.* К 200-летию Петербурга // Шут. 1903. № 20. Май, 17. С. 1.

[20] *Радаков А.* Окно в Европу – теперь // Новый сатирикон. 1918. № 6. Март. С. 1.

[21] *Пьер-О.* К Полтавским торжествам // Огонек. 1909. № 26. Июнь, 27. С. 1.

[22] *Аксаков И. С.* Наше знамя – русская народность / сост. и комм. *С. Лебедева;* отв. ред. *О. Платонов*. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 103.

[23] Un uneven game (1885) *Puck* XVII (425). 29 April: 1. Available at: https://visual-history.livejournal.com/1414515.html (accessed: 03.04.2020).

[24] *Аксаков И. С.* Наше знамя – русская народность / сост. и комм. *С. Лебедева;* отв. ред. *О. Платонов*. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 230

[25] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя / сост., комм. *А. В. Белов;* отв. ред. *О. А. Платонов*. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 802.

[26] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 тт. СПб., 1889. Кн. 2. С. 315.

[27] *Яхонтов А.* Окно в Европу // Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград в русской поэзии. Антология. СПб.: Лимбус Пресс, 1999. С. 184, 185.

[28] *Амфитеатров А. В.* Памяти А. И. Герцена // *Амфитеатров.* Собр. соч. Свет и сила. Пг.: 1915. Т. XXXV. С. 30.

[29] *Писарев Д. И.* Бедная русская мысль // Исторические очерки: в 2 ч. Ч. 1. М.: Юрайт, 2018. С. 21.

[30] Там же.

[31] «Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год». СПб., 1860.

[32] Там же.

[33] Б/п. 19 февраля 1861 года. Главнейшие черты всех положений о крестьянах и дворовых людях // Время. 1861. № 4. Апрель. С. 584.

[34] Б/п. Карамзин. Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. Ч. I. СПб., 1862 г. // Время. 1862. № 8. Авг. С. 1.

[35] *Аверкиев Д.* По поводу самопризнаний петербуржца // Эпоха. 1864. № 12. С. 4.

[36] Там же. С. 5.

[37] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя / сост., комм. *А. В. Белов;* отв. ред. *О. А. Платонов*. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 362.

[38] *Розанов В. В.* Мимолетное. М., 1994. С. 204.

[39] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. М., 1971. Т. XII. С. 395.

[40] *Оболенский Д. Д., князь.* Наброски из воспоминаний // Русский архив. 1895. № 2. С. 233.

[41] *Пришвин М. М.* Дневники 1918–1919. СПб., 2008. С. 136.

[42] *Родевич М.* Некоторые черты из истории послепетровского времени. По поводу книги П. Пекарского «Маркиз де-ла-Шетарди в России». СПб., 1862 // Время. 1863. № 4. Апр. С. 64.

[43] *Толстой А. Н.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1984. Т. VII. С. 428.

[44] *Колобов Н.* Краткое обозрение Петербурга за 200 лет // Осколки. 1903. № 20. Май, 17. С. 2.

[45] *Яхонтов А.* Окно в Европу // Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград в русской поэзии. Антология. СПб.: Лимбус Пресс, 1999. С. 184.

[46] *Боборыкин П. Д.* За полвека. Воспоминания. Режим доступа: https://www.lit-mir.me/br/?b=129140&p=90 (дата обращения: 03.04.2020).

[47] Там же.

[48] *Лесков Н. С.* Смех и горе // Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 3. С. 382–570.

[49] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя / сост., комм. *А. В. Белов;* отв. ред. *О. А. Платонов*. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 368.

[50] *Черемных М.* Окно из Европы // Крокодил. 1922. № 8 (20). Окт., 15. С. 8.

[51] *Дени В.* Окно в Европу // Красная нива. 1926. № 27. С. 18.

[52] *Млечин Л.* «Спасибо Яше Риббентропу, что он открыл окно в Европу» // Новая газета. 2019. № 95. Авг., 28. С.16–17.

[53] *Эренбург И.* За жизнь! // Правда. 1942. № 210. Июль, 29. С. 4.

[54] Всемирная эпиграмма. Антология: в 4 т. М.: Политехника. 1998. Т. 4. С. 254.

Библиография

Артамонов Д. С. «Окно в Европу» в культурной памяти: метаморфозы фронтирной метафоры // Журнал фронтирных исследований. 2020. № 2. С. 78–91. DOI: https://doi.org/10.46539/jfs.v5i2.204

Гребенникова Д. Е. «Живые» и «стертые» метафоры в языке публицистики // Вестн. МГУП им. Ивана Федорова. 2012. № 5. С. 142–145.

Жирков Г. В. Прощание журналистики с литературным процессом // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник. М., 2017. С. 307–318.

Измайлов Н. В. «Медный всадник» А. С. Пушкина. История замысла и создания, публикации и изучения // *Пушкин А. С.* Медный всадник / изд. подгот. *Н. В. Измайлов*. Л., 1978. С. 147–265.

Исупов К. Г. Петербургский тезаурус. «Окно в Европу» // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 1. С.175–176.

Корнилов А. А. Крестьянская реформа. СПб., 1905.

Ло Гатто Э. Закат мифа об «Окне в Европу» // Слова и отзвуки. Les mots et les echos. Санкт-Петербург – Париж. 1992. № 1. С. 22–32.

Неклюдова М. С., Осповат А. Л. «Окно в Европу»: источниковедческий этюд к «Медному всаднику» // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 255 –272.

Осповат А. Л. Вокруг да около ожившей статуи. Из комментария к «Медному всаднику». 3 // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 32. Сб. науч. трудов. СПб., 2016. С. 11–28.

Рощин Е. Н. История понятий Квентина Скиннера // Полис. Политические исследования. 2006. №3. С. 150–158.

Скиннер К. Свобода до либерализма / пер. с англ. *А. В. Магуна*; науч. ред. *О. В. Хархордин*. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006.

Экштут С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от Эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012.

Notes

Aksakov I. S. (2008) *Nashe znamja – russkaja narodnost'* [Our Banner Is Russian National Spirit]. Moscow: Institut russkoj civilizacii. (In Russian)

Amfiteatrov A. V. (1915) Pamjati A. I. Gercena [In Memoriam of A. I. Herzen]. In *Amfiteatrov. Sobranie sochinenij. T. XXXV*. Svet i sila [Light and Power]. (In Russian)

Annenkov P. V. (1960) *Literaturnye vospominanija* [Literary Recollections]. Moscow: Goslitizdat. (In Russian)

Averkiev D. (1864) Po povodu samopriznanij peterburzhca [Regarding Self-Confessions of a Petersburger]. *Jepoha* 12. (In Russian)

B/p. 19 fevralja 1861 goda. Glavnejshie cherty vseh polozhenij o krest'janah i dvorovyh ljudjah [Major Features of All the Rulings About Peasants and House Serfs] (1861) *Vremja* 4. April'. (In Russian)

B/p. K 200-letiju Peterburga (rodstvennyj razgovor) [To the 200th Anniversary of Petersburg (an Intimate Conversation)] (1903) *Budil'nik* 18. 18 May: 1.

B/p. Karamzin. Neizdannye sochinenija i perepiska N. M. Karamzina. Chast' I. SPb., 1862 g. [Unpublished Works and Correspondence of N. M. Karamzin. Part I. SPb., 1862] (1862) *Vremja* 8. August. (In Russian)

B/p. Mama! Domoj! Domoj! [Mum! Home! Home!] (1884) In V. O. Mihnevich (ed.) *Nashi znakomye: Fel'etonnyj slovar'* [Our Acquaintances: Dictionary of Feuilletons]. Saint Petersburg. (In Russian)

B/p. Staroe staritsja, molodoe rastet [The Old Is Getting Older, the Young Is Growing] (1903) *Budil'nik* 19. 25 May: 1. (In Russian)

Barsukov N. P. (1889) *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina: v 22 t. Kn. 2.* [Life and Works of M.P. Pogodin: in 22 vol. Book 2]. Saint Petersburg. (In Russian)

Belinskij V. G. (1981) *Sobr. soch. v 9 t. T. VII* [Collected Works in 9 vol. Vol. VII]. Moscow. (In Russian)

Boborykin P. D. *Za polveka. Vospominanija* [Over Half a Century. Recollections]. Available at: https://www.litmir.me/br/?b=129140&p=90 (accessed: 03.04.2020).

Chemodanov M. M. (1881) Domoj! Domoj! [Home! Home!]. *Gusli,* 27 December: 8. (In Russian)

Chemodanov M. M. (1883) Russkie pesni [Russian Songs]. *Zritel'* 4: 5.

Cheremnyh M. (1922) Okno iz Evropy [A Window from Europe]. *Krokodil* 8 (20). 15 October: 8. (In Russian)

Deni V. (1926) Okno v Evropu [A Window to Europe]. *Krasnaja niva* 27: 18.

Dostoevskij F. M. (2010) *Dnevnik pisatelja* [A Writer's Diary]. M.: Institut russkoj civilizacii. (In Russian)

Gercen A. I. (1954) Sobr. soch: v 30 tomah. T. 1 [Collected Works in 30 vol. Vol. 1]. M.: AN SSSR. IMLI RAN im. A. M. Gor'kogo. (In Russian)

Homjakov D. A. (2011) *Pravoslavie. Samoderzhavie. Narodnost'* [Orthodoxy. Autocracy. National Spirit]. M.: Institut russkoj civilizacii. (In Russian)

Jahontov A. (1999) Okno v Evropu [A Window to Europe]. In *Sankt-Peterburg, Petrograd, Leningrad v russkoj pojezii. Antologija* [Saint Petersburg, Petrograd, Leningrad in Russian Poetry. An Antology]. Saint Petersburg: Limbus Press.

Jerenburg I. (1942) Za zhizn'! [For Life!]. *Pravda* 210. 29 July: 4. (In Russian)

Kolobov N. (1903) Kratkoe obozrenie Peterburga za 200 let [A Short Overview of Petersburg for 200 Years]. *Oskolki* 20. 17 May: 2. (In Russian)

Leskov N. S. *Smeh i gore* [Laughter and Grief]. Available at: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1871_smeh_i_gore.shtml (accessed: 10.02.2020). (In Russian)

Mlechin L. (2019) «Spasibo Jashe Ribbentropu, chto on otkryl okno v Evropu» ["Thanks to Yasha Ribbentrop for Opening a Window to Europe]. *Novaja gazeta* 95. 28 August. (In Russian)

Obolenskij D. D., knjaz'. Nabroski iz vospominanij [Sketches from Recollections] (1895) *Russkij arhiv* 2. (In Russian)

«Objavlenie o podpiske na zhurnal «Vremja» na 1861 god» [Announcement of Subscription to the Vremya Magazine for 1861] (1860) Saint Petersburg. (In Russian)

P'er-O. (1909) K Poltavskim torzhestvam [To Poltava Festivities]. *Ogonek* 26. 27 June: 1. (In Russian)

Pasternak L. O. (1884) Zerkalo [The Mirror]. *Pchelka* 24: 1. (In Russian)

Pisarev D. I. (2018) *Istoricheskie ocherki. V 2 ch. Chast' 1* [Historical Essays. In 2 Parts. Part 1]. Moscow: Izdatel'stvo Jurajt. (In Russian)

Porfir'ev V. I. (1883) Chto ty, babushka [How Can You Say That, Granny]. *Oskolki* 4. 22 January: 1. (In Russian)

Porfir'ev V. I. (1903) K 200-letiju Peterburga [To the 200th Anniversary of Petersburg]. *Shut* 20. 17 May: 1. (In Russian)

Porfir'ev V. I. (1882) Proval starogo goda v Letu [The Fall of the Old Year into Oblivion]. *Oskolki* 1: 8. (In Russian)

Prishvin M. M. (2008) *Dnevniki 1918–1919* [Diaries 1918-1919] Saint Petersburg. (In Russian)

Radakov A. (1918) Okno v Evropu – teper' [A Window to Europe – Now]. *Novyj satirikon* 6. March. (In Russian)

Rodevich M. (1863) Nekotorye cherty iz istorii poslepetrovskogo vremeni. Po povodu knigi P. Pekarskogo «Markiz de-la-Shetardi v Rossii». Saint Petersburg, 1862 [Some Features from the History of the Post-Petrine Time. Regarding P. Pekarsky's Book "Marquise de la Chetardie in Russia"]. *Vremja* 4. April. (In Russian)

Rozanov V. V. (1994) Mimoletnoe [Ephemera]. Moscow. (In Russian)

Rus'. 1881. Osoboe pribavlenie k N 17. 10 marta [Rus. 1881. Special Supplement to № 17. March 10]. Pp. 1–2. (In Russian)

Saltykov-Shhedrin M. E. (1971) *Sobr. soch. v 20 t. T. XII* [Collected Works in 20 vol. Vol. XII]. Moscow. (In Russian)

Stepanov N. A. (1861) Zhurnal'nye olimpijcy [Magazine Olympians]. *Iskra* 46. 1 December. (In Russian)

Tolstoj A. N. (1984) *Sobr. soch. v 10 t. T.VII* [Collected Works in 10 vol. Vol. VII]. Moscow. (In Russian)

Un uneven game (1885) *Puck* XVII (425). 29 April: 1. Available at: https://visualhistory.livejournal.com/1414515.html (accessed: 19.08.2020). (In Russian)

Vsemirnaja jepigramma. Antologija. V 4 t. T. 4 [World Epigram. An Antology] (1998) Moscow: Politehnika. (In Russian)

Vjazemskij P. A. (1873) Iz staroj zapisnoj knizhki [From the Old Notebook]. *Russkij arhiv* I (1027). (In Russian)

References

Artamonov D. S. (2020) «Okno v Evropu» v kul'turnoj pamjati: metamorfozy frontirnoj metafory ["A Window to Europe" in Cultural Memory: the Metamorphoses of Frontier Metaphor]. *Zhurnal frontirnyh issledovanij* 2: 78–91. DOI: https://doi.org/10.46539/jfs.v5i2.204 (In Russian)

Grebennikova D. E. (2012) «Zhivye» i «stertye» metafory v jazyke publicistiki ["Live" and "Dead" Metaphors in the Language of Journalism]. *Vestnik MGUP im. Ivana Fedorova* 5. (In Russian)

Isupov K. G. (2015) Peterburgskij tezaurus. «Okno v Evropu» [Petersburg Thesaurus. "A Window to Europe"]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie* 1: 175–176. (In Russian)

Izmajlov N. V. (1978) «Mednyj vsadnik» A. S. Pushkina. Istorija zamysla i sozdanija, publikacii i izuchenija ["The Bronze Horseman" by A.S. Pushkin. History of Intention and Creation, Publications and Studies]. In N. V. Izmailov (ed.) *Pushkin A. S. Mednyj vsadnik* [Pushkin A. S. Bronze Hoeseman]. Leningrad. Pp. 147–265. (In Russian)

Jekshtut S. A. (2012) *Povsednevnaja zhizn' russkoj intelligencii ot Jepohi Velikih reform do Serebrjanogo veka* [Everyday Life of Russian Intelligentsia from the Epoch of Great Reforms to the Silver Age]. Moscow: Molodaja gvardija. (In Russian)

Kornilov A. A. (1905) *Krest'janskaja reforma* [The Peasant Reform]. Saint Petersburg. (In Russian)

Lo Gatto Je. (1992) Zakat mifa ob «Okne v Evropu» [The End of the Myth about the "Window to Europe"]. *Slova i otzvuki. Les mots et les echos. Sankt-Peterburg – Parizh* 1: 22–32. (In Russian)

Nekljudova M. S., Ospovat A. L. (1997) «Okno v Evropu»: istochnikovedcheskij jetjud k «Mednomu vsadniku» ["A Window to Europe": a Sourcing Essay on "The Bronze Horseman"]. In Lotmanovskij sbornik. Vyp. 2 [Lotman's Collection. Issue 2]. Moscow. Pp. 255–272. (In Russian)

Ospovat A. L. (2016) Vokrug da okolo ozhivshej statui. Iz kommentarija k «Mednomu vsadniku». 3 [Around the Statue That Came Alive. From the Commentary to "The Bronze Horseman"]. In *Vremennik Pushkinskoj komissii. Vypusk 32. Sbornik nauchnyh trudov* [Chronicle of Pushkin's Commission. Issue 32. A Collection of Scientific Works]. Saint Petersburg. Pp. 11–28. (In Russian)

Roshhin E. N. (2006) Istorija ponjatij Kventina Skinnera [A History of Concepts by Quentin Skinner]. *Polis. Politicheskie issledovanija* 3. (In Russian)

Skinner K. (2006) *Svoboda do liberalizma* [Freedom Prior to Liberalism]. Saint Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge. (In Russian)

Zhirkov G. V. (2017) Proshhanie zhurnalistiki s literaturnym processom [Journalism Parting with the Literary Process]. In *Russkaja literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni. Ezhegodnik* [Russian Literature and Journalism in the Movement of Time]. Moscow: Izd-vo MGU. Pp. 307–318. (In Russian)

Поступила в редакцию
18.05.2020